нести на счет одного певца или даже сплоченной группы певцов) всех песен «Сборника» и поскольку, учитывая позднейшие данные русского народного творчества, трудно представить себе народного сказителя, владеющего столь пестрым в жанровом и стилевом отношениях песенным материалом.

Возникает мысль, что Кирша Данилов записал не только «свои» былины и песни, но и песни от других певцов. А это обстоятельство очень важно для понимания «Сборника». Его создатель либо действовал по заказу, по чьему-то побуждению, либо руководствовался какими-то собственными мотивами и интересами, не связанными с профессиональными обстоятельствами.

Любопытно, что в тетрадях упомянутого выше И. А. Касьянова содержатся фольклорно-этнографические материалы, которые он собрал от крестьян: духовные стихи, причитания невесты, заговоры. Если добавить к этому, что у Касьянова хранились также копии произведений старой книжности, то перед нами вырисовывается облик любителя, делившего свои интересы между фольклором и литературой, — носителя фольклорной традиции и ее собирателя.[4]

Факты показывают, что такого рода любители, питавшие интерес к старой письменности — к памятникам учительной, служебной книжности и старинной беллетристики и одновременно к отдельным видам народного творчества, не редкость уже для XVIII (а отчасти и для XVII) в. На долю их пришлось характерное объединение в рукописных сборниках под одной крышкой произведений литературы и записей (или пересказов, переделок) фольклорных текстов.

Мы имеем сведения о владельцах различных рукописных сборников, о составителях (что гораздо реже). По заключению М. Н. Сперанского, «строго проведенной параллели между характером и составом сборника и общественным положением его владельца, писца или читателя установить нельзя». Во всяком случае, это по преимуществу среда демократическая, а соединение старой (до XVIII в.) книжности с былинными текстами преобладает в крестьянских сборниках.[5] Записи былин, их пересказы и обработки, переделки сказок, сказочные полуфольклорные повести в составе рукописных сборников воспринимались как естественная часть их пестрого литературного репертуара; произведения фольклора тем самым включались в массовую беллетристику.

Другая рукописная традиция в области фольклора, все усиливавшаяся с течением времени, связана с распространением

---

[4] См.: В. С. Бахтин. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга (былины И. А. Касьянова). — В сб.: Русский фольклор. Материалы и исследования, II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 220—230.

[5] М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 98—99.